

ИДЕЯ МЕССИАНИЗМА РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Ф. ОДОЕВСКОГО И А.И. ГЕРЦЕНА

Аннотация

В данной статье предпринимается попытка проследить истоки формирования идеи мессианизма России. Показывается, как в первой половине XIX столетия проблема поиска места и значения России стала одной из магистральных. Показательно, что самоидентификация русского народа осуществлялась через противопоставление России Западу. Запад исполнил свое великое дело и теперь должен сойти со сцены, как полагали отечественные мыслители, для того чтобы уступить место «юной» и «свежей» России. Примечательно, что эта идея мессианизма в дальнейшем получила развитие и в русском хранительстве, и в русском освободительном движении, что наталкивает на мысль о необходимости пересмотра традиционных воззрений на оба течения общественной мысли.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, А.И. Герцен, Россия, гибель Запада, стихия всеобщности, русский социализм

Автор

Евгений Александрович Солодов

Студент кафедры истории
социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

«Промышленный, положительный, это ясно, как дважды два — четыре» [11. — С. 171], — именно так рассуждает один из героев «Русских ночей» В.Ф. Одоевского о характере XIX столетия. Сегодня не вызывает сомнений мысль о том, что основные события XIX века разворачивались на фоне промышленного переворота, который радикальным образом изменил жизни людей. Быстрый рост производства, содействуя развитию внутренней торговли, породил необходимость роста городского населения, преобразования транспортных средств, расширения сети каналов и дорог, распространения научных открытий и технических изобретений. Сети железных дорог стали покрывать западные страны, железные корабли на паровой тяге — пароходы — стали бороздить моря, телеграфные столбы протяну-

лись между континентами и связали крупные города друг с другом¹. «Весь мир преклоняется перед Западом» [11. — С. 150], — продолжая мысль героя Одоевского, — в этот «железный» век. Но как же русские интеллектуалы обнаружили признаки гибели там, где «железные дороги пересекают из края в край; промышленность дошла до чудесного; война сделалась невозможностью; науки идут исполинскими шагами» [11. — С. 150]?

¹ Первенство в изобретении многих технических новинок, быстро приобретших популярность в европейских странах, в действительности принадлежало русским ученым. Например, первый телеграф был создан членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук Павлом Львовичем Шиллингом. Под его руководством в 1832 году была проведена телеграфная линия между Зимним дворцом и зданием Министерства путей сообщения. Однако эффективность внедрения изобретений в Европе была все же на порядок выше.

Одним из первых отечественных мыслителей, который за «позитивными» преобразованиями в западном мире увидел симптомы болезни, был князь Владимир Федорович Одоевский (1804–1869)¹. Он родился в Москве в семье аристократа из рода Рюриковичей и получил подобающее его происхождению образование. В 1823 году он, подобно другим «архивным юношам», поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. В те годы русское общество внимательно следило за творческими изысканиями немецких идеалистов (Гегель, Фихте, Шеллинг), оказавших в высшей степени плодотворное влияние на пробуждение отечественного философствования [1. — С. 61]. Интересно, что последний (Шеллинг) и сам был не далек от рефлексии относительно будущего Европы и России. Одоевский вспоминает, как во время одной из бесед с немецким философом тот сказал ему: «Чудное дело ваша Россия. Нельзя определить, на что она назначена и куда идет, но к чему-то важному назначена» [10. — С. 142].

Будучи выходцем из шеллингианского кружка, получившего название «общество любомудрия»², Одоевский выработал собственную романтическую концепцию движения истории, законченное выражение которой изложил на страницах философского романа «Русские ночи»³. В эпилоге романа автор устами Фауста громко заявил:

¹ Одоевский представлял собой редкий тип универсального ученого-энциклопедиста. Он не только писал художественные и публицистические произведения, но и хорошо разбирался в правоведении, архивном деле, увлекался гуманитарными и естественными науками, был музыкантом и музыковедом.

² Из любомудров вышли славянофилы И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, А.С. Хомяков, поборники «официальной народности» М.П. Погодин, С.П. Шевырев и «русский европеец» Ф.И. Тютчев.

³ Отдельные фрагменты романа печатались с 1831 по 1839 г. в альманахах «Московский наблюдатель», «Северные цветы», «Новоселье», «Деница», «Альциона», а также в журнале «Современник». Впервые полностью роман был

«Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным и через несколько времени — слишком простым: *Запад гибнет!*» [11. — С. 147]. Идеалиста Одоевского особенно пугало нравственное падение западной культуры, сокрытое за ее научными и промышленными достижениями. Всякий социальный организм, по его мысли, «страждет полноты жизни», стремится к поддержанию целостности, сохранению гармонии⁴, чего невозможно достичь в условиях атомизации общества. «Гибельная специальность» ограничивает широту мысли и полет фантазии человека, понуждает его сосредотачиваться на том, чтобы целые годы делать одну и ту же незатейливую операцию. «Чудеса английской промышленности происходят оттого, что там если человек делает винт, то делает его целую жизнь и ничего, кроме этого винта, в мире не знает» [11. — С. 164]. Таким образом, опредмечивание личности, вращение человека в промышленный механизм приводят к распаду общественных отношений — люди превращаются в придатки «индустриальных игрушек»⁵. Промышленная революция в западном мире привела к казенной иерархии ценностей, разрушению целостного отношения к миру и в конце концов

опубликован в собрании сочинений писателя в 1844 году.

⁴ Этому понятию Одоевский уделял особое внимание, подчеркивая необходимость достижения такой гармонии, что из отдельных звуков складывается лирическая мелодия. Музыкальные образы в романе «Русские ночи», вероятно, неслучайны. Дело в том, что В.Ф. Одоевский был одним из основоположников музыковедения в России, и его любовь к этому искусству, видимо, не могла не выходить за рамки исключительно музыкально-критических статей.

⁵ Мысли Одоевского о последствиях промышленной революции в сфере человеческих отношений на удивление созвучны марксистской концепции отчуждения. «Предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя», — писал по этому поводу К. Маркс [9].

торжеству «*вульгарного материализма*». Одоевский тонко почувствовал характер новой исторической эпохи и запущенных ею изменений в политике, науке, искусстве, человеческих отношениях.

Обнаружив симптомы «гибели Запада», Одоевский изобразил эсхатологическую картину крушения европейского мира. «Горькое и странное зрелище! Мнение против мнения, власть против власти, престол против престола, и вокруг сего раздора — убийственное, насмешливое равнодушие!» [11. — С. 146]. Запад выполнил свое великое дело, и это означает начало его конца. В момент его предсмертной агонии на историческую сцену должен выступить новый народ — юный, свежий, полный духовных сил, — русский народ. Западный мир в своей беспокойной, кипучей деятельности потерял равновесие, — «дал развитие одной [стихии] и задушил другие» [11. — С. 181] и теперь, чтобы завершить целостное развитие основных общечеловеческих стихий, нуждается в России, в присущей ей «*стихии всеобщности*», стремлении к всесторонности и полноте.

Множество созвучных мыслей встречается в работах младшего современника Одоевского — Александра Ивановича Герцена (1812–1870). Несмотря на большое различие между ними, много идей и жанрово-стилистических черт роднят творческое наследие этих писателей. Особенно много общего прослеживается у Одоевского с Герценом 1830–1840-х гг.: «платоновская» диалогичность, универсальный энциклопедизм, решительная борьба за целостность.

Принципиально иной является судьба Герцена, которая развивалась совсем по другой траектории. В отличие от Одоевского, он сначала обнаружил симптомы нравственного разложения в России: «Все у этих господ исправно, чинно, на месте, — писал он, — они правильно любят добродетель и бегут

порока; все у них не лишено известной прелести серенького летнего дня, без дождя и солнца, а чего-то нет... а без того и все остальное не в честь» [3. — С. 187]. Герцен родился в Москве в семье богатого помещика И.А. Яковлева и дочери мелкого немецкого чиновника¹, получил традиционное дворянское домашнее образование. В 1829 году, вероятно, под влиянием «дяди-химика», поступил на физико-математический факультет Московского университета, где заинтересовался утопическим социализмом и немецкой философией. Через два года вместе с ближайшим другом детства, Н.П. Огаревым, он создал революционный кружок², за участие в котором в 1834 году был отправлен в ссылку.

После смерти отца в 1847 году Герцен навсегда покинул Россию и «захлебнулся, — по замечанию Р.В. Иванова-Разумника, — в мещанстве европейской буржуазии» [8. — С. 15]. Его широкой душе, по всей видимости, ни в чиновничьем Петербурге, ни в купеческой Москве не хватало простора, который он ожидал обнаружить в Париже. Но и там, как оказалось, все благородные рыцари давно уже перевелись, и остались одни лишь крикливые торгаши и лавочники. Впоследствии он вспоминал первые дни жизни в эмиграции как дни крушения его надежд и мечтаний: пока последний рабочий стремится выбиться в лавочники и зажечь буржуазной жизнью, мещанство, «как тина, покрывает зеленью своей всю Францию» [2. — С. 50]. Оказавшись за границей, Герцен на себе ощутил то, что немногим ранее описал Одоевский на страницах романа «Русские ночи», и назвал этот недуг «*мещанством*»,

¹ Поскольку брак родителей не был оформлен, он получил фамилию, придуманную отцом: «Герцен» — «сын сердца» (от немецкого слова Herz — сердце).

² В демократический кружок Герцена–Огарева входили студенты Московского университета, среди которых Н.И. Сазонов, Н.М. Сатин, Н.Х. Кетчер, В.В. Пассек.

под которым он понимал окончательное успокоение нравственных сил общества, начало его бесшумной агонии. «Под влиянием мещанства все переменилось в Европе. Рыцарская честь заменилась бухгалтерской честностью, изящные нравы — нравами чинными, вежливость — чопорностью, гордость — обидчивостью, парки — огородами, дворцы — гостиницами, открытыми для всех, т.е. для всех имеющих деньги» [5. — С. 127]. Торжество среднего человека превратило индивидуальность, которую так стремился обнаружить Герцен, в товар, продаваемый на рынке. Именно против этого унижения и ограничения личности он поднял бунт, который стал побудительным мотивом к складыванию *теории «русского социализма»* [8. — С. 19].

Столкнувшись лично с последствиями революции, Герцен написал: «Мне кажется, что роль теперешней Европы кончена» [6. — С. 168], но прошло совсем немного времени, и он обнаружил выход из тупика. Этим выходом для него стала вера в Россию, в ее «социалистическое» начало. Мещанство, как полагал Герцен, еще не достигло России, ее принцип самодержавия частной собственности еще не отравил *коммунальные начала русского крестьянства*. «Это была вера, — как говорил впоследствии И.С. Тургенев¹, — в девственные, незараженные мещанством силы русского народа, вера в крестьянский тулуп» [7; 12].

Русский народ предстал в воображении Герцена как глубоко «антимещанский» народ, природе которого противны навязанные извне буржуазные законы и порядки. В общине мужики честны друг перед другом, они редко обманывают, между ними господствует почти неограниченное доверие, они не знают контрактов и письменных договоров, а все решают по правде; на

своих сходках они сообща решают хозяйственные дела деревни и сообща же владеют землей; они вместе обрабатывают землю, вместе используют луга и пастбища. Развитие и распространение общинного начала, по мысли автора, должны обеспечить достижение социального идеала Запада: «...то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, — для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем» [3. — С. 205].

«Славянский мир гораздо моложе Европы. Он моложе политически... Он складывался медленнее; он не развился, он еще мир недавний и едва только вступающий в великий поток истории» [6. — С. 184]. В этой фразе Герцена без труда угадывается тот же лейтмотив вступления России на историческую авансцену, что волновал Одоевского и других отечественных мыслителей: «Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы» [11. — С. 148]. Более того, и Герцен, и Одоевский, несмотря на некоторые различия в мыслях о способах исполнения Россией ее исторического предназначения, не исключали Запад из своих «футурологических» предсказаний. Европа больна, ее духовные силы иссякли, и она, будто по инерции, продолжает произвольно бросаться в разные направления. Однако в будущем Россия не должна отвернуться от нее, не должна стереть всякую память о ее былом величии, а должна «*исцелить*» и возродить ее древнюю культуру, поскольку «не одно тело должны спасти мы — но и душу Европы» [11. — С. 148].

Таким образом, под влиянием целого ряда внутренних и внешних обстоятельств в отечественной социально-политической мысли, на разных ее флангах, возникла идея особого предназначения России. Одним из таких обстоятельств, не уменьшая значения остальных, мы считаем промышленную

¹ Это широко известное выражение приписывается И.С. Тургеневу, однако в работах писателя нам его обнаружить не удалось.

революцию в европейских странах, разнообразные последствия которой серьезно напугали русских мыслителей. Опасения того, что и Россия пойдет по тому же пути — к «мещанству» или к «гибельной специальности», — побудили их обратить взор на самих себя.

Пробуждение национальной гордости, как ни странно, поглотило сторонников и освободительного, и охранительного движений. Ответить на вопрос, почему «гибель Запада» увлекла людей, с первого взгляда совершенно разных политических воз-

зрений, попытался писатель-западник И.С. Тургенев. Один из героев его романа «Дым», отставной надворный советник Потугин, не без издевки заметил: «Сойдется десять русских, мгновенно возникает вопрос... о значении, о будущности России... Ну, и конечно, тут же, кстати, достанется и гнилому Западу» [13. — С. 270]. И.С. Тургенев, таким образом, наводит на мысль, что полюсы русской социально-политической традиции могут быть лишь отдельными проявлениями общего стремления к великой России.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 300 с.
2. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. VI. С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 7–145.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. VII. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1851 годов. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 307–340.
4. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. IX. Былое и думы. 1852–1868. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 353 с.
5. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. X. Былое и думы. 1852–1868. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 535 с.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. XII. Произведения 1852–1857 годов. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 167–201.
7. Иванов-Разумник Р.В. А.И. Герцен. 1870–1920. — Петроград: Колос, 1920. — 185 с.
8. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 3 т. — Т. 2. — М.: Республика; ТЕРРА, 1997. — 400 с.
9. Маркс К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Гос. издательство политической литературы, 1956. — С. 517–642.
10. Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. — М.: Современник, 1982. — 224 с.
11. Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л.: Наука, 1975. — 316 с.
12. Плеханов Г.В. Сочинения: В 24 т. — Т. XIV. — М.: Гос. издательство, 1923. — С. 259–345.
13. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. — М.: Наука, 1981. — Т. 7. — С. 247–407.
14. Шириняц А.А., Кононенко О.С. Россия и Запад в социально-политической мысли В.Ф. Одоевского / А.А. Шириняц, О.С. Кононенко // Русская политология. — 2018. — № 1 (6). — С. 14–21.